

КАК ИСПОРТИТЬ САМОЕ ЛУЧШЕЕ

За Чечилией Бартоли в консерваторию протащили Хама

Михаил Жирмунский

ТАКОЕ случилось впервые: кто бы мог подумать, что российский дебют культовой оперной дивы Чечилии Бартоли разнесет вдребезги и традиции 100-летнего Большого зала консерватории, и человеческое достоинство стремящихся в него людей? Запредельные цены, которые унизительны даже для хорошо зарабатывающего человека (президент России за подобающее ему VIP-место выложил бы треть своего оклада?), нераспроданные билеты и на четверть заполненный партер... А для честно попадающих — полный штат охранного агентства, который сначала «шмонал» потенциальных слушателей, устроив столпотворение при входе с улицы, а потом повторял «досмотр» перед входом в зал. На верхнем ярусе охранник, фильтрующий многочисленный поток с самыми дешевыми билетами, детей-инвалидов (там повыше им и место) и журналистов, не утруждал себя поисками в списке нужной фамилии и мощной рукой отпихивал тех, чьи имена не разглядел. Потому почти любой журналист испытал ощущения «нормального» консерваторского слушателя, от которых было не до Чечилии Бартоли.

Выступление прекрасноголосой итальянки меломаны новой элиты устраивали только для себя. С непривычки это не все поняли: Большой зал — привычное место для финансово-разложившейся московской интеллигенции, приученной к тому, что культурная жизнь города ее напрямую касается. Раньше здесь заранее выстраивались в очереди на концерты Мравинского, Мениухина, Рихтера или Гилельса, а Горюхи лично распоряжался пропустить всех студентов на специально организованный дополнительный концерт. Теперь же все виды пропусков от дирекции зала и ректората консерватории хозяйским распоряжением арендаторов отменялись. Билеты в кассе лежали до последнего, а чего-то ожидавшие у входа скандировали: «Партер пустой». Вот ведь приспичило же быдлу на Вивальди!..

Можно, разумеется, напутать заезжих иностранцев и оправдывать чрезвычайную охрану «че-ченцем», а цены — «их нравами»: в Европе хороший концерт действительно стоит дорого. В большом зале «Модертеума» в Зальцбурге платят 100 долларов за Бартоли — не 350. Цены же строителя концерта г-на Тетерина — всегда самостоятельный повод для внимания и важная часть его пиара. Несколько лет назад Валерий Гергиев на пресс-конференции в Большом театре назвал их жульническими и сожалел, что допустил Тетерина с концертом Монтсеррат Кабалье в Мариинский театр. Однако поющая только в микрофон Кабалье с дочерью давно мало кого интересует, Джесси Норман к Тетерину так и не приехал, а теперь и имя Бартоли прочно связано с беспрецедентным для консерватории нашествием Хама — даже вопли «браво» звучали по-хамски.

Оценивать пение Бартоли было трудно не только поэту. Зная ее голос только по цифровым записям на дисках, можно было предположить, что певица все же не вполне здорова, к тому

Наивное обаяние Чечилии Бартоли.

же естественная акустика Большого зала вообще не помогает исполнителю дополнительным резонансом. Так или иначе, голосу Бартоли недоставало объема, чтобы заполнить зал, и не все его краски доходили до верха, хотя ее заведомо небольшой голос никто и не думал сравнивать с Бергансой, Долухановой или де Лос Анхелес. Бартоли сильна другим, что, собственно, показала и в Москве. Это технически совершенный инструмент, личное (прежде всего вокальное) обаяние и интеллектуальная состоятельность всего певческого процесса — от подбора репертуара до продуманных особенностей вокализации в нужной манере. Она исполняет разностильную камерную музыку, много занимается XVIII веком и на этот раз пела арии Вивальди и Глюка, блестяще показав разнообразие оперной эстетики далекого от нас столетия. Сопровождал певицу оркестр «Берлинская академия старинной музыки», далеко не столь интересный, как Il Giardino Armonico, с которым записан ее знаменитый «Вивальди-альбом».

Программа, очевидно, чередовала арии бравурные и печально певучие. В Вивальди Бартоли дает абсолютный «перевод» стремительных темпов и каскадов феерически спетых украшений на язык человеческих чувств экстатического характера: это и гнев, и ревность, и сердечное

смещение, и волнение от морской непогоды. В их выражении певица присущ вокальный максимализм — современный человек должен вполне отождествлять барочные эмоции со стихийностью нашего времени. Для классицизма Глюка у нее целый спектр иных приемов — и звук массивнее, и театралыный пафос значительнее в избыточных украшениях («Как прозрачен ручей» из оперы «Корона») и в апитичных страстях Береники («Антигона»). Медленные арии вызвали особый трепет застывшей скорбной тоской, которой Бартоли наполняет инструментальную чистоту своего голоса. Это были знаменитая «Презираемая жена» из «Баязета» Вивальди, которую невозможно забыть после концертов Кати Риччарелли, ария «Стынет в жилах кровь» (из оперы «Фарначе»), а также глюковская ария из «Милосердия Тита». В них особенно трогает мальчишески-подростковый оттенок тембра Бартоли. Это близко всему ее образу и характеру обаяния, прямолинейно наивного и по-крестьянски угловатого. Последние слова жалобной песенки про лодку, отнесшую героя в море (тему морского несчастья Вивальди часто трактует с юмором), она просто с улыбкой прошептала. И все же красота искусства оказалась в этом мероприятии моментом частным — как вкусные обеды с чужого стола.